

RU

Тема одиночества в поэзии Луизы Коле

Пинковский В. И.

Аннотация. Цель исследования – типологическое описание поэзии Л. Коле через обращение к наиболее важной для поэтессы теме одиночества. В статье на основании анализа произведений на эту тему из всех стихотворных сборников поэтессы определяются наиболее характерные черты поэтического мира Л. Коле, а также значимые черты поэтики автора. Научная новизна работы заключается в том, что впервые творчество поэтессы рассматривается направленно поэтологически с целью включения его в типологию французских «малых романтиков»; причём исследование проводится с опорой на главную, репрезентативную для поэтессы тему (тезаурусный отбор), что позволяет не отвлекаться на материал непринципиальной значимости (посвящения, политические тексты) и тем самым не «размывать» отчётливость результатов. В результате исследования установлено, что поэзия Л. Коле представляет собой во многом характерное для поздней романтической эпохи образование, в котором переплетаются черты романтического и реалистического методов с заметным преобладанием последних. Что касается модальности произведений, многие из них отличаются заметным гендерным акцентом (в лирике от первого лица подчёркивается характерный женский взгляд на явления, в портретных стихотворениях и эпосе в основном изображены женские персонажи). В сугубо техническом аспекте поэзия Л. Коле не отличается новаторством, но по основным параметрам не уступает средним показателям для стихотворных текстов романтической эпохи.

EN

The theme of solitude in Louise Colet's poetry

V. I. Pinkovskiy

Abstract. The aim of the research is to provide a typological description of Louise Colet's poetry by addressing the theme of solitude, which is of paramount importance to the poetess. Based on an analysis of works on this theme across all her poetic collections, the article identifies the most characteristic features of Colet's poetic world as well as significant aspects of her poetics. The scientific novelty of the work lies in the fact that, for the first time, the poetess's oeuvre is examined through a specifically poetological lens with the goal of incorporating it into the typology of the French "minor Romantics". Furthermore, the study is conducted relying on a central, representative theme (thesaurus-based selection), which allows for the exclusion of peripheral material (dedications, political texts) and thus prevents the "blurring" of the results' distinctness. As a result of the study, it was established that Louise Colet's poetry represents a formation largely characteristic of the late Romantic era, in which the features of Romantic and Realistic methods are intertwined, with a noticeable predominance of the latter. Regarding the modality of the works, many are distinguished by a significant gender emphasis (first-person lyrics highlight a characteristically female perspective on phenomena, while portrait poems and epics primarily depict female characters). In purely technical terms, Colet's poetry is not innovative, but in its basic parameters, it is consistent with the average standards for poetic texts of the Romantic era.

Введение

Луиза Коле (Louise Colet, 1810-1876) – французская поэтесса романтического направления, известная, по словам маркиза де Сегюра (Ségur, 1910, p. 138), не столько благодаря таланту, сколько из-за репутации (подразумевается – скандальной). Такой взгляд на писательницу сложился ещё при жизни: взаимоотношения Коле с любовниками казались интереснее её творчества – и так вплоть до второй половины XX – начала XXI века (Clébert, 1986; Du Plessix Gray, 1995; Vebret, 2021). Самая первая книга о поэтессе, вышедшая ещё при её жизни, начинается с упоминания известного эпизода мести Луизы Коле критику Альфонсу Карру, который оскорбительно пошутил о нравственности молодой женщины в одной из своих статей (Mirecourt, 1857, p. 4).

История о покушении на А. Карра занимает одно из главных мест у всех биографов Коле (и не только: в «Истории женщин-писательниц Франции» А. Картона Луизе Коле посвящена одна неполная страница, но даже там нашлось место упоминанию о знаменитом эпизоде (Carton, 1886, p. 218)). Эта ситуация очень показательно иллюстрирует направленность большинства работ о писательнице: биографический подход в изучении Коле, избранный в качестве основного, дошёл до нас до мельчайших деталей, например, до установления по опубликованным после смерти Коле документам факта лёгкого ранения, которое нож поэтессы всё же нанёс Карру: “Quelques gouttes de sang jaillirent” (буквально: *несколько капель крови брызнули*) (Mestral Combremont, s. a. [1913], p. 38). В написанной несколькими годами позже книге другой исследовательницы этот момент передан с «важным» уточнением: “One solitary speck of blood appeared through his shirt” (буквально: *одна-единственная капля крови проступила сквозь его рубашку*) (Enfield, 1926, p. 40).

Любой исследовательский метод, применяемый к одному объекту неизменно и долго, приводит в конце концов к подобному измельчанию результатов. Ситуацию не спасает и некоторое варьирование темы в пределах биографического материала – перенос в ряде работ акцента с «личной жизни» поэтессы на её социальную роль, а именно – женщины-литератора, которой приходится преодолевать предвзятое отношение к себе как писателей-мужчин, так и критиков-мужчин. Этому аспекту литературного бытия Луизы Коле посвящено несколько работ разных жанров – от проблемных статей (Pouet, 2019) до диссертаций (Stoebner, 1987). Наконец, есть работы, представляющие писательницу как феминистку «первого призыва» (Du Plessix Gray, 1994), несколько преувеличивающие – в соответствии с модой последних десятилетий на подобные исследования – роль Коле в борьбе за женское равноправие.

Приходится, однако, констатировать правоту высказывания современных американских исследовательниц: «Луиза Коле ... написала множество стихотворений, пьес, романов ... но ее творчество затмили ее жизнь и отношения с Флобером» (Boutin, Paliyenko, 2002, p. 77). Несмотря на наличие нескольких работ, посвящённых отдельным стихотворным произведениям писательницы (Schapira, 1982), её поэтическое творчество в целом не описано, поэтому проблема типологической классификации поэзии Коле остаётся нерешённой.

В свете сказанного актуальность поэтологического анализа наиболее репрезентативных стихотворных произведений поэтессы представляется очевидной, так как вне указанного подхода в принципе невозможно современное построение истории французского романтизма в той его части, которая представлена так называемыми малыми романтиками. Здесь необходимо пояснение. Актуальность (то есть действенность) исследования имеет два измерения – злободневная востребованность и непреходящая, не зависящая от времени, настроений и меняющихся вкусов обязанность науки устранять лакуны незнания. Актуальность первого типа, отчасти родственная моде, сказалась в том, что в контексте распространённых в зарубежном литературоведении исследований гендерной тематики Луиза Коле предстала как возлюбленная нескольких знаменитых людей и феминистка «первого призыва». Актуальность второго типа, указанная в нашей работе, побуждает к определению поэтических достоинств Коле и, соответственно, к определению места поэтессы в литературно-историческом процессе.

Перечень задач настоящей статьи можно представить в такой последовательности: 1) обзорное изучение тематики и проблематики стихотворного творчества писательницы на предмет установления наиболее репрезентативной темы; 2) подробное рассмотрение различных аспектов темы одиночества, её связи с другими темами в творчестве Л. Коле; 3) определение места Луизы Коле в типологии «малых романтиков» на основе содержательного, стиховедческого и стилистического анализа произведений поэтессы.

Соединение элементов стилистического и стиховедческого анализа текстов с биографическим, культурно-историческим, тезаурусным, типологическим подходами образует в данной статье комплексный метод, соотносящийся с решением перечисленных задач. Стилистический и стиховедческий анализ – необходимый этап изучения поэтики автора-стихотворца, биографический метод даёт понимание некоторых характерных мотивов творчества поэта, имеющих истоки в его реальной жизни, культурно-исторический позволяет составить представление о социальном и литературном контексте изучаемой эпохи, типологический подход направлен на установление общих черт в творчестве исследуемого автора и других писателей, исповедующих похожие творческие принципы или выполняющих в истории литературы ту же функцию. Все перечисленные методы объединяются тезаурусным подходом, предполагающим не всеохватное изучение объекта, а прагматический отбор сущностного, типического в избранном аспекте исследования.

Материалом исследования послужили произведения из таких стихотворных сборников поэтессы, как “Fleurs du Midi” («Цветы Юга», 1836), “Penserosa” («Пансероза», 1840), “Les chants des vaincus” («Песни побеждённых», 1846), “Ce qui est dans le coeur des femmes” («То, что есть в женских сердцах», 1852), “Ce qu'on rêve en aimant” («О чём мечтают, любя», 1854), а также поэма “La paysanne” («Крестьянка», 1855). В качестве вспомогательного материала использовались стихотворения Ж.-Б. Руссо, А. де Ламартина, Ш. Бодлера, Т. де Банвиля, С. Малларме.

Теоретической основой исследования стали труды ряда отечественных и зарубежных учёных. В качестве общей работы об истории поэзии французского романтизма был использован соответствующий том «Истории французской поэзии» Р. Сабатье (Sabatier, 1976), принципы отбора тематического материала базировались на положениях статьи В. А. Лукова (2018, с. 248) «Тезаурусный подход» (в особенности важны были ориентирующие понятия «своё», «чужое», «чуждое»), подспорьем в стиховедческом анализе выступили статьи М. Л. Гаспарова (1995, с. 139-149), в частности – «Фет безглагольный», и известная монография Ж. Женетта (1998, с. 197-211) «Фигуры» (раздел «Поэтический язык. Поэтика языка»).

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности использования их в преподавании истории зарубежного романтизма, спецкурсах, посвящённых истории французской романтической поэзии, французской женской поэзии XIX века.

Обсуждение и результаты

Разговор о поэзии Луизы Коле следует начать с ответа на вопрос, который, кажется, никогда не ставился, в силу очевидности ответа на него (для современников поэтессы), а именно: была ли мадам Коле романтическим автором? Если да, то в какой степени? Эти состояния не взаимообусловлены: жить и писать в эпоху романтизма – и быть романтическим творцом. Поэт может прожить большую часть жизни в романтической среде, даже написать несколько вещей, которые напоминают романтические произведения, но по сути романтиком так и не стать (пример – творчество Казимира Делавиня). Признаками романтического писателя являются не только характерные для романтизма темы, но и *постоянство* в их разработке и использование арсенала романтической поэтики. Оба этих неизменно обнаруживаемых признака говорят о неконъюнктурной мировоззренческой и творческой ориентации поэта.

Уже в предисловии к первому сборнику Луизы Коле «Цветы Юга» обнаруживается важнейшая для поэтессы и для романтической культуры в целом тема – одиночества (в данном случае одиночества художника, окружённого равнодушием публики («толпы»)): *“Peut-être ces vers auraient-ils dû mourir où ils étaient nés, dans cette solitude où je n’étais entendue ni comprise ; mais quelques poètes les ont écoutés, quelques amis les ont applaudis, et je les livre au public, sans espérer qu’il les lise”* (Colet, 1836, p. I). / *Может быть, этим стихам было бы лучше умереть там, где они появились на свет, – в одиночестве, в котором я не была ни услышана, ни понята. Однако несколько поэтов их заметили, кое-кто из друзей их одобрил, и я предаю эти строки вниманию публики, не надеясь, что она их прочтёт* (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – В. П.).

Тема одиночества у Коле не является только данью романтической моде, в её основе личное переживание поэтессой своего положения в многодетной традиционалистской семье, где она, младшая, была для всех, кроме матери, «почти чужой» (*“presque étrangère”*), о чём горестно упоминается в стихотворении *“Tourmens du Poète”* («Терзания поэта»):

Jamais les soins touchans, les baisers de famille,
Qu’on prodigue toujours à la plus jeune fille,
N’ont entouré mes premiers ans:
Et lorsque je parcours ma triste destinée,
Je ne puis évoquer une heure fortunée
Des jours passés aux jours présens.
Cette tendre amitié, cette étroite alliance.
Douce chaîne d’amour, intime confiance
Qui doit unir le frère et la sœur en naissant,
Embellissaient en vain mes rêves poétiques!
Hélas! lorsque les cœurs ne sont pas sympathiques,
Qu’est le lien du sang? (Colet, 1836, p. 14). /

Никогда нежные заботы, семейные ласки, // Которые обычно щедро изливаются на младшую дочь, // Не сопровождали мои ранние годы: // И когда я озираю свою печальную судьбу, // Я не могу назвать ни одного счастливого часа // Ни в дни прошедшие, ни в настоящие. // Эта нежная дружба, этот тесный союз, // Сладкая цепь любви, доверительности, // Что должны соединять брата и сестру при рождении, // Тщетно украшали мои поэтические грёзы! // Увы! Когда сердца не тянутся друг к другу, // Что такое узы крови?

В другом стихотворении, тоже посвящённом детским годам (*“Souvenir de Servanne. A ma mère”* – «Воспоминание о Серванне. Моей матери»), Коле избегает реалистических мотивировок чувства одиночества, так что состояние лирической героини предстаёт как иллюстрация характерного для романтического взгляда на действительность двоемирия – одного из симптомов непривязанности к кому-либо или чему-либо в реальном мире:

Ces rêves dont j’étais jour et nuit poursuivie,
Qui formaient dans ma vie une seconde vie,
Idéale, sublime, et qui tue à jamais
L’existence réelle! (Colet, 1840, p. 64). /

Мечты, за которыми я следовала денно и ночью, // Которые создали в моей жизни вторую действительность, // Идеальную, возвышенную, которая навсегда убила // Реальное существование!

Почему лирическая героиня погружена в свои грёзы вплоть до отторжения подлинной жизни, оставалось бы загадкой, если бы романтическая литература не была наполнена подобными персонажами. На них, похоже, на их стиль обозначения своих взглядов на мир и ориентируется в данном случае поэтесса. Для Коле характерна двойственность, отмечающая фигуры переходного этапа: с одной стороны, логичное, психологически достоверное объяснение ситуации, чувства или состояния; с другой – нормативная романтическая трактовка (и часто в шаблонных формах) тех же феноменов. Рассмотрим это явление на других аспектах темы одиночества.

Начать следует со сравнительно новой, появившейся в XIX веке темы одиночества в большом городе. У Коле этот город – Париж, который представлялся в мечтах провинциалки идеальным (*“ce Paris idéal”*),

но в реальности не просто разочаровал её фальшивым блеском (“се faux Paris”), но буквально «обескуражил»: “...le Paris réel accable mon courage” (*реальный Париж сокрушил моё мужество*). Описание уличной жизни, выражение чувства подавленности, которое возникает у человека в урбанистическом крупномасштабном и динамичном пространстве, – всё это пока ещё не слишком хорошо освоенные в первой половине XIX столетия темы, поэтому в их разработке Л. Коле не может состязаться с поэтами чуть более поздней генерации – с Ш. Бодлером (Baudelaire, 1857, р. 158-159) (например, с впечатляюще детальным описанием неромантического Парижа в «Предрасветных сумерках» (“Le crépuscule du matin”)) или с Т. де Банвилем (Banville, 1871, р. 143-144), дающим в одном из стихотворений сборника «Прусские идиллии» (“Celle qui reste” – «Та, что осталась») не только характерную для города сцену трагического уличного происшествия – гибели под колёсами омнибуса девушки, – но и типическую историю жизни двух бедных горожанок, матери и дочери. Текст (“Paris”) Луизы Коле скорее напоминает эскиз урбанистической темы, но эскиз такой, в котором уже есть все элементы для её дальнейшего развития, – и пугающее многолюдие, и пошлость массовой культуры, и концентрация пороков:

Quand je vais trisle et seule, et que, dans le ciel gris,
Je suis quelque nuage errant sur les toitures...
Lorsqu’au bourdonnement de ce chaos qui passe,
De ce peuple encombrant l’horizon et l’espace;
De ces milliers de bruits dans l’air se confondant
Comme un cri de blasphème immense et discordant,
Je marche, et que ma vue est tristement frappée
Par cette Babylone à la vie occupée,
A la vie où la chair est tout et l’esprit rien,
Où le mal triomphant aux pieds foule le bien,
Où la plèbe se rue au plaisir qui l’appelle,
Où jouir est le mot que toute langue épelle,
Où les hommes parqués comme de vils troupeaux,
Vont dévorant leurs jours sans bonheur ni repos,
Quand toutes ces maisons où la lumière monte
Se pavanent le soir pour le crime ou la honte,
Et que la poésie en sa virginité
En voit sortir fariné, par l’art ou la beauté,
Le vice.... saltimbanque immonde qui s’étale
Et vend tout pour de l’or dans cette capitale (Colet, 1840, p. 21-22). /

Когда я иду, печальная и одинокая, подобно некоему облаку в сером небе, блуждающему над крышами... Когда, в шуме этого движущего хаоса, этих людей, загромаждающих пространство до горизонта; этих тысяч звуков в воздухе, смешивающихся вместе, как громкий и нестройный крик богохульства, я иду, и мой взгляд опечален этим Вавилоном, поглощенным жизнью, жизнью, где плоть – все, а дух – ничто, где торжествующее зло попирает добро ногами, где чернь набрасывается на удовольствия, где на устах у всех слово наслаждение, где люди, загнанные в загоны, словно скот, пожирают свои дни без счастья и покоя, где все эти дома, зажигающие по вечерам свет для преступлений или чего-то постыдного, где поэзия, в своей невинности, видит припудренный лик искусно приукрашенного порока... гнусного паяца, выставляющегося напоказ и всё делающего продажным за золото в этой столице...

Теперь – та же тема «городского» одиночества, но романтически воплощённая в образе старой Королевской площади (“La place Royale”). Площадь помнит знаменитых людей XVII века – Ришелье, Тюренна, де Гиза, принца Конде. Вопреки тому, что на ней продолжается жизнь (проезжают фиакры, катафалк, служанка ведёт за руку говорливого ребёнка), площадь характеризуется как «пустынная и печальная, забытая», потому что с современностью никто и ничто её не связывает. Одиночество создаётся не отсутствием людей, но – психологически и духовно близких людей. Эта простая мысль помещена поэтессой в обобщённый контекст характерного для романтиков противопоставления тусклой современности и приукрашенного прошлого:

Il n’en est plus de cette forte race
Parmi tous ceux que notre âge éleva;
Plus de vertu, plus d’orgueil, plus d’audace;
Ah! comme l’art, l’héroïsme s’en va! (Colet, 1852, p. 27). /

Не осталось никого из той могучей породы // Среди всех тех, кого взрастил наш век; // Нет больше доблести, нет больше гордости, нет больше отваги; // Ах! как и [настоящее] искусство, героизм исчез оттуда!

Ещё один извод темы одиночества – одиночество романтического героя, который, даже не избегая общества, всё же одинок, потому что не живёт интересами общества, только внешне участвуя в его суете. Мужские ипостаси этого литературного типа представлены, например, в лирическом и эпическом творчестве Байрона – от собственно лирического героя поэта до персонажей вроде Конрада («Корсар»). Луиза Коле предприняла попытку создания женского аналога романтического одиночки: героиня её стихотворения “Dolorès” появляется на балах красивая, очаровывающая всех, но не принимающая участия в общем веселье; она не танцует, никто не слышал её смеха. Свет представляется ей «пустыней», душа героини пребывает в некоем «ином мире» (“autre sphère”). Своё состояние дама объясняет в духе романтической традиции: “J’espère, illusion d’une âme virginale, // Que parmi les cœurs froids de la foule banale, // Un être me comprend...” (Colet, 1840, p. 31-32). /

В непорочной душе живёт надежда, что среди холодных сердец пошлой толпы найдётся одно – понимающее меня... Однако в границах нормативного романтического образа героини не остаётся; автор привычно доводит развитие очередной персонификации одиночества до обнаружения реалистической, психологически достоверной мотивации поведения молодой женщины, которая, как оказалось, нарисовала в своём воображении встречу с тем, чей взгляд обожжёт её (*“Le rayon de ses yeux me brûle”* / *Луч его глаз жжёт меня*), с тем, кто произнесёт «сладостные слова», заставляющие трепетать каждое сердце: «Я люблю тебя!».

Очень болезненный вариант темы одиночества – это изображение одиночества пишущей женщины в мужской по преимуществу литературной среде. Отдадим должное сдержанности Луизы Коле: у неё нет отдельного произведения, затрагивающего названную проблему, которой поэтесса уделяет значительно меньше внимания, чем её биографы XX-XXI веков, но жалобы такого рода, как в стихотворении *“A ma mère”* («Моей матери»), встречаются в разных текстах: *“En posant le laurier sur le front d’une femme, // Froidement à l’éloge on mêle l’épigramme”* (Colet, 1840, p. 344). / *Возлагая лавры на чело женщины, к славословию невозмутимо подмешивают насмешку*. Даже Флобер, наставляя возлюбленную в литературном мастерстве (например, в письме Луизе Коле от 16 ноября 1852 года (перевод писем здесь и далее – Е. Лысенко), не удерживается от того, что сейчас назвали бы гендерно некорректными формулировками: «...Ты достигнешь полноты таланта, если освободишься от своего пола, который должен служить тебе для познания, а не для излиятий» (1984, с. 216). Поэтому, может быть, критически разбирая в целом одобренную им поэму Коле *“La paysanne”* («Крестьянка»), Флобер (1984, с. 219-231) в письме к поэтессе от 28 ноября 1852 года среди понравившихся строк не называет те, что являются одними из лучших в тексте, но – определённо женскими по отражённой в них психологии. Речь идёт о лирическом отступлении в поэме, сопровождающем эпизод смерти ребёнка героини:

Tout imprégnés des larmes maternelles,
Petits enfants, vous fuyez loin de nous!
Anges, pourquoi déployez-vous vos ailes?
N’étions-nous pas le paradis pour vous?
C’est quand déjà vous semblez nous comprendre,
C’est quand déjà vous êtes ressemblants
A l’être aimé qui vous mit dans nos flancs,
Que l’âpre mort dans nos bras vient vous prendre;
Elle a fermé votre bouche et, vos yeux...
Hier vous viviez, hier vous pressiez joyeux
Notre mamelle où le lait coule encore! (Colet, 1853, p. 18). /

Омытые материнскими слезами, // Малютки, вы устремляетесь вдаль от нас! // Ангелы, зачем вы расправляете крылья? // Разве мы не были для вас раем? // Именно тогда, когда вы уже, кажется, понимаете нас, // Именно тогда, когда вы уже похожи на того, кто поместил вас в наше чрево, // Жестокая смерть приходит, чтобы забрать вас из наших рук; // Она закрыла ваши уста и глаза... // Вчера вы жили, вчера вы радостно жимали // Нашу грудь, которая полна ещё молока!

Вообще, заметить, что младенец начинает смотреть осмысленно, понимать что-то, узнавать кого-то, может любой член семьи, но бесполезно выделяющееся молоко – деталь именно женского видения ситуации. Воздействие этих строк на читателя обеспечивается психологически достоверным и точным наблюдением.

Поэма «Крестьянка» позволяет проследить развитие главной темы Коле в эпическом жанре. Сюжет поэмы в целом воспринимается как изложение довольно типичной для воюющей страны истории: женщина накануне свадьбы провожает возлюбленного на войну (эпоха Наполеона I), получает от него единственное письмо, хоронит их ребёнка, умирает сама, а герой, устроившийся по возвращении из плена могильщиком, находит во время рытья новой могилы на стеснённом деревенском погосте останки возлюбленной и её медальон со своим полуистлевшим письмом. Постаревшему одинокому солдату становится понятно, как сильно ждала его героиня. Завершение сюжета может показаться излишне мелодраматичным, но ничего сверхъестественного, не могущего произойти в реальности, в нём нет. Даже пронесённая через всю жизнь героями поэмы Жанеттой и Жаном любовь не является неким исключительным чувством, она ополнена житейскими обстоятельствами: оставшаяся в одиночестве после смерти отца, несостоявшегося свёкра и ребёнка, вынужденная выживать, героиня становится у зажиточного земляка служанкой, затем невольной любовницей и женой. Нельзя не заметить и в крупном эпическом тексте той же тенденции, что и в лирике: соединение черт романтических и реалистических с перевесом в сторону последних. Причём следует отметить, что к нарождающимся натуралистическим веяниям Коле осталась равнодушна; она оставила без внимания совет Г. Флопера добавить в эпизод с Жаном на кладбище детали такого рода: «Пусть бы он увидел в жирной земле несколько блеснувших на солнце волосков. Куски мяса на позвонках. Пусть, наконец, все это будет шекспировское, отвратительное по своей правде и бесстрастию» (Флобер, 1984, с. 230).

Тема одиночества прямо или опосредованно связана с другими темами в поэзии Луизы Коле, являясь, например, основным фактором создания двух групп стихотворений – о матери, спасавшей своей любовью поэтессу от чувства одиночества в детстве, и о дочери, которую хочется в свой черёд оградить от всех неприятностей мира, не оставляя её одну (*“Ma fille”*): *“T’avoir là toujours, c’est mon plus doux rêve”* (Colet, 1854, p. 53). / *Всегда быть рядом с тобой – моя самая сладкая мечта*. Зачастую присутствие темы одиночества почти неуловимо, но всё же очевидно. В ярком портретном стихотворении *“La bouquetière de Marseille”* («Марсельская

цветочница») описание красивой девушки, изготавливающей букеты для любой потребности, соединяется с мотивами юга – родины поэтессы – и завершается фиксацией ощущения изгнанничества, которое ассоциативно связано с одиночеством:

Flots bleus, bouquetière accorte,
Doux parler, chant provençal,
Vers moi qui donc vous apporte,
Échos du pays natal?
Triste, sous la brume grise,
Je rêve aux soirs du Prado,
Comme un proscrit de Venise
Se ressouvient du Lido (Colet, 1854, p. 18). /

Голубые волны, милая цветочница // Сладостная речь, провансальская песнь, // Кто вас доносит до меня, // Отголоски родины? // Печальная, в сером тумане // Я мечтаю о вечерах на Прадо, // Как изгнанник из Венеции // Вспоминает об острове Лидо.

Имплицитно тема одиночества присутствует и в стихотворении “Les fantomes” («Призраки»), в котором затрагивается тема разного отношения к бывшим любимым у мужчин и у женщин. Мужчина, в интерпретации Л. Коле, ожидаемо небрежен в воспоминаниях и чёрств, он не дорожит бывшими возлюбленными, они изгнаны из его сердца; женщина же сочувственно наблюдает шествие призраков своих любимых:

Comme un beau chant répand son harmonie,
Comme un calice exhale son parfum,
Elle voudrait de sa paix infinie
Faire monter le calme vers chacun.
Être la rive ombreuse des vallées
Qui nous charma, vers laquelle on revient,
Et recueillir ces âmes envolées
Au doux abri d'un cœur qui se souvient (Colet, 1854, p. 76). /

Как прекрасная песня, распространяющая свою гармонию, // Как чаша, источающая свой аромат, // Она хотела бы, чтобы из её мира // Исходило успокоение для каждого. // Быть хотела тенистыми долинами, // Полными очарования для нас, к которым тянет вернуться, // И хотела бы собрать эти разлетевшиеся души // В нежном убежище памяти сердца.

Здесь интересно не наивно-прямолинейное утверждение превосходства женщины в чувственной сфере, а проступающее в желаниях героини ощущение оставленности, заставляющее обращать взор в прошлое, призывать невозвратимые образы ушедших радостей.

Наконец, тема одиночества питает вдохновение поэтессы в стихах на политические темы в сборнике “Les chants des vaincus” («Песни побеждённых»):

Mon cœur, qui fut trahi par tous ceux que j'aimais,
Reporte aux affligés son amour solitaire;
Hélas! de tous les bruits qui se font sur la terre,
Le seul bruit des douleurs me touche désormais (Colet, 1846, p. 5). /

Моё сердце, преданное всеми, кого я любила, // Отдаёт свою одинокую любовь страждущим; // Увы! Из всех звуков, что существуют на земле, // Лишь звук скорби трогает меня отныне.

В самих «политических» стихотворениях этой темы нет, однако показательно появление её в открывающем сборник, объясняющем намерения автора тексте: то, что владеет душой поэта, поневоле проявляется вопреки логике.

Осталось отметить несколько самых необходимых для упоминания черт поэтики Л. Коле. Стиль поэтессы отличается неровностью; в некоторых текстах он простой, логичный, ясный, в других его можно охарактеризовать даже не как безлично-романтический, а как расхоже-поэтический. Вот шаблонные элементы этого стиля из одного только стихотворения – “Tourmens du Poète” («Терзания поэта»): “langage d’amour” (язык любви), “la froide indifférence” (холодное безразличие), “cœur brisé” (разбитое сердце), “jours sereins” (безмятежные дни), “ange des ténèbres” (ангел тьмы), “siècles futurs” (грядущие века), “l’abîme du temps” (бездна времени), “rêves bien-aimés” (заветные мечты), “âme ardente” (пламенная душа) (Colet, 1836, p. 3-16). Процитированные клише взяты из раннего стихотворения Коле, но подобные образные средства типичны для неё на протяжении всего творческого пути. Примечательно, что большая часть критических замечаний Г. Флобера о стихотворных произведениях его возлюбленной относится именно к языку её поздних текстов. Заметим, что претензии писателя-реалиста, одобряющего содержание произведений и не одобряющего их стиль, объективно свидетельствуют о переходном характере поэзии Коле: стремление выразить нечто новое опережает развитие средств выражения.

В завершение – об одной любопытной особенности стихотворной техники Луизы Коле, которая свидетельствует о направленности творчества поэтессы в сторону от романтизма. Речь идёт о процентном соотношении рифм, соединяющих слова разных частей речи, и рифм, связывающих слова одной части речи. Согласно наблюдениям Ж. Женетта (1998, с. 343), этот показатель меняется по мере развития поэзии: процент рифм, основанных на словах разных «морфологических классов, составляет в среднем на сто стихов 18,6 у классиков,

28,6 у романтиков и 30,7 у символистов. Мы использовали продуктивную идею французского учёного, но в его методику внесли некоторые коррективы. Ж. Женетт набирал исследуемую сотню строк фрагментами по десять стихов из разных произведений одного поэта, но дело в том, что произвольно отобранные фрагменты могут быть довольно разными, в том числе однотипными, что даёт искажённую картину. Мы брали для наблюдения целые стихотворения большого объёма (суммарно – от 100 до 200 строк в среднем), поскольку именно целостный текст демонстрирует *систему* рифмовки у конкретного автора.

Результаты получились следующие. У такого нормативного классициста, как Ж.-Б. Руссо (1671-1741), соотношение грамматически однородных и неоднородных рифм составляет приблизительно 70% / 30% (*Les petits poètes...*, 1910, р. 13-33), у классика романтической поэзии А. де Ламартина (*Lamartine*, 1922) (1790-1869) – 55% / 45%, у крупнейшего символиста С. Малларме (*Mallarmé*, 1914, р. 11-51) (1842-1898) – 58% / 42%. Очевидно, что существенна разница в показателях классицистов и более поздних авторов, но между романтиками и символистами она практически не видна, поскольку те и другие представляют генетически родственные и близкие по времени явления (показатели Ш. Бодлера (1821-1867), позднего романтика и предвестника символизма, совпадают с таковыми С. Малларме – 58% / 42%) (*Baudelaire*, 1857). Результат подсчёта рифм в двух первых сборниках Луизы Коле даёт неожиданный результат – 45% / 55%. Самое простое объяснение этим цифрам: они отражают движение автора в сторону от романтической поэтики, но явно не к символистской, вероятнее всего – к поэтике, более пригодной для отражения реалистического взгляда на действительность. Так ли это, мы никогда не узнаем. После 1854 года поэтесса не публиковала стихов, сдержав обещание, прозвучавшее ещё в сборнике «Пансероза»: “Non, plus de vers, jamais!” (*Colet*, 1840, р. 378). / *Никаких стихов больше, никогда!*

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы: 1. Изучение поэтических сборников Луизы Коле позволяет констатировать, что поэтесса является талантом, проявившимся в основном в рамках одной темы – одиночества. 2. В произведениях Коле воплощены различные аспекты названной темы – от чувства одиночества в семье до чувства одиночества в чуждом пространстве (большой город), чуждом времени (современность, негативно противопоставленная прошлому), чуждой среде (литературная среда). Значимость темы одиночества такова, что имплицитно она присутствует и в произведениях, формально посвящённых другим темам (тексты любовной и даже политической тематики). 3. Эта тема получает в творчестве поэтессы двойное воплощение – романтическое и реалистическое. Романтическая трактовка темы, вероятно, связана с литературным контекстом, в котором формировалось дарование Коле, даже с самим поэтическим языком эпохи (это подтверждается стилистическим анализом), а реалистическая – с личными представлениями, переживаниями, в конце концов, с фактами биографии. Наиболее интересное в поэзии Коле (особенно достоверный психологизм, хотя и проявляемый фрагментарно) связано именно с применением реалистического метода (стиховедческий анализ объективно свидетельствует о движении поэтессы в сторону неромантического творчества). В плане историко-типологическом появление таких фигур, как Луиза Коле, закономерно и потому предсказуемо: в недрах одной художественной системы вызревают ростки чего-то иного, и носители возникшей тенденции отличаются характерной двойственностью в отображении реальности. Конечно, сказанное относится не к бунтарям от эстетики (А. Рембо), а к писателям, склонным к эволюции. Первые более заметны (в том числе науке), вторые – менее эффектны, но едва ли не более многочисленны и в силу этого более полезны развитию литературы, чем первые. Л. Коле относится ко второму типу.

Перспективы дальнейшего исследования поэзии Л. Коле могут быть в первую очередь связаны с изучением формирования и укрепления реалистических тенденций во французской поэзии 30-50-х годов XIX века, с наблюдением за отражением в ней распространённых общественных взглядов («политические» стихотворения Коле – слабые, противоречивые (порицается война России на Кавказе, но восхваляются французские колониальные завоевания в Африке) – интересны именно своей неоригинальностью, типичностью зафиксированных в текстах настроений). Отмеченные аспекты не получили воплощения не только в работах российских учёных, но и в трудах соотечественников поэтессы.

Материалы исследования | Research materials

1. Banville T. *Idylles prussiennes*. P., 1871.
2. Baudelaire Ch. *Les Fleurs du mal*. P.: Poulet-Malassis et de Broise, 1857.
3. Colet L. *Ce qui est dans le cœur des femmes*. P.: Librairie nouvelle, 1852.
4. Colet L. *Ce qu'on rêve en aimant*. P.: Librairie nouvelle, 1854.
5. Colet L. *Fleurs du Midi*. P.: Librairie de Dumont, 1836.
6. Colet L. *Le poème de la femme: 1-er récit. La paysanne*. P.: Perrotin, 1853.
7. Colet L. *Les chants des vaincus*. P.: A. René et Cie, 1846.
8. Colet L. *Panserosa*. P., 1840.
9. Lamartine A. de. *Méditations poétiques*. P.: Hachette, 1922.

10. Les petits poètes du XVIIIe siècle: J.-B. Rousseau, Lefranc de Pompignan, Houdar de la Motte, Bernis, Piron, Saint-Lambert, Thomas, Gresset, Dorat, Lebrun-Écouchard, Gilbert, Roucher, Parny, Delille: morceaux choisis. P.: La Renaissance du livre; J. Gillequin, 1910.
11. Mallarmé S. Poésies. P.: Nouvelle Revue Française, 1914.

Источники | References

1. Гаспаров М. Л. Фет безглагольный. Композиция пространства, чувства и слова // Гаспаров М. Л. Избранные статьи. М.: Новое литературное обозрение, 1995.
2. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1.
3. Луков В. А. Тезаурусный подход // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. <https://doi.org/10.17805/zpu.2018.3.23>
4. Флобер Г. О литературе, искусстве, писательском труде: письма, статьи: в 2 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1.
5. Boutin A., Paliyenko A. M. Nineteenth-Century French Women Poets: An Exceptional Legacy // Women in French Studies. 2002. Special Issue.
6. Carton H. Histoire des femmes écrivains de la France. P., 1886.
7. Clébert J.-P. La Muse. P.: Presses de la Renaissance, 1986.
8. Du Plessix Gray F. "Mon cher volcan" ou La vie passionnée de Louise Colet. P., 1995.
9. Du Plessix Gray F. Rage and Fire: A Life of Louise Colet, Pioneer Feminist, Literary Star, Flaubert's Muse. N. Y. – L. – Toronto – Sydney – Tokyo – Singapore: Simon & Schuster, 1994.
10. Enfield D. E. A Lady of the Salons. The Story of Louise Colet. L., 1926.
11. Mestral Combremont J. de. La Belle Madame Colet. Une déesse des romantiques. P.: Fontemoing et Cie, S. a. [1913].
12. Mirecourt E de. Louise Colet. P., 1857.
13. Poyet T. Louise Colet, "écriture féminine" et codification du féminin // Sociopoétiques. 2019. № 4.
14. Sabatier R. Histoire de la poésie française: 6 t. P., 1976. Т. 5.1. Les Romantismes.
15. Schapira M.-C. Peut-on encore lire "La servante" de Louise Colet? // Femmes de lettres au XIXe siècle. Autour de Louise Colet. Lyon: Presses universitaires, 1982.
16. Ségur P. de. Une muse. Mme Louise Colet // La Revue hebdomadaire. 1910. Т. 3. № 10. P.
17. Stoenner E. A. Femmes de lettres féministes et l'évolution du rapport homme – femme: Louise Colet, George Sand, Colette, Simone de Beauvoir. Sweet Briar: Sweet Briar College, 1987.
18. Vebret J. Flaubert et Louise Colet. P.: Écriture, DL, 2021.

Информация об авторах | Author information

Пинковский Виталий Иванович¹, д. филол. н., доц.

¹ Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

Vitaly Ivanovich Pinkovskiy¹, Dr

¹ North-Eastern State University, Magadan

¹ alennart@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.12.2025; опубликовано online (published online): 19.01.2026.

Ключевые слова (keywords): Луиза Коле; французская романтическая поэзия; тема одиночества; гендерный аспект; типология романтиков второго ряда; Louise Colet; French Romantic poetry; theme of solitude; gender aspect; typology of second-tier Romantics.